

## ОБЛИК УЧЕНОГО (ТВОРЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ)

**Анатолий  
Лактионович  
Журавлев:  
«Историю  
не перепишешь»**

**А**натолий Лактионович Журавлев — доктор психологических наук, профессор, директор

Института психологии Российской академии наук. Член-корреспондент Российской академии образования. Лауреат Премии Президиума РАН в области психологии имени С. А. Рубинштейна (2005 г.).

Автор 350 работ, из которых 12 — авторские и коллективные монографии. Работы посвящены проблемам социальной, экономической, организационной и экономической психологии, психологии личности, труда и управления в современном российском обществе. Основные монографии А. Л. Журавлева: «Индивидуальный стиль руководства производственным коллективом» (М., 1976), «Совместная деятельность: Методология, теория, практика» (М., 1988), «Социально-психологическая динамика в условиях экономических изменений» (М., 1998), «Социальная психология» (М., 2002), «Нравственно-психологическая регуляция экономической активности» (М., 2003), «Психология управленческого взаимодействия» (М., 2004), «Психология совместной деятельности» (М., 2005).

В Московском гуманитарном университете А. Л. Журавлев заведует кафедрой социальной и этнической психологии.

Представляем читателю беседу с ним.

— Анатолий Лактионович, с чего начался Ваш путь в науку? Кто (или что) на Ваш выбор повлиял:

родители, семейные традиции, педагоги, собственный опыт и стремление?..

— Самую большую роль в моем профессиональном самоопределении сыграли два фактора: родители и учителя.

Мои родители не только не имели высшего образования, но даже неполного среднего. Отец закончил 3 класса, а мать — 6 (неполное среднее в то время было семь). Хотя представление о науке у них было очень житейское, именно родители с самого детства привили у меня любовь к образованию, к познанию, к книгам, к науке. В нашей семье учеба детей всегда была самым приоритетным интересом и занятием.

— Они стремились осуществить через вас собственные нереализованные способности?

— Сегодняшние психоаналитики сказали бы, что родители реализовали в детях то, что было заложено в них. Мои родители были с прекрасными задатками, которые они не реализовали и не смогли этого сделать по многим объективным причинам. Но они глубоко понимали ценность и важность образования и передали мне тягу к учебе, всегда направляя к ней, поддерживая мои учебные занятия и создавая все возможные условия для них.

Родом мать с Волги — из села Новые Ключи, Петровского района Куйбышевской области. И я родился там. Во время войны, в 1942 году туда попал мой отец после госпиталя. А он из деревни Новая Мильча, Гомельской области Белоруссии. Война соединила моих родителей, и я родился как послевоенный. У меня есть сестра и был брат от первых браков моих родителей. Мы жили вместе, и все дети получили высшее образование.

— *Где Вы получали образование?*

— Здесь я скажу о втором факторе, повлиявшем на мое самоопределение. Это — мой учитель. Я с отличием закончил 4 класса в Новоключевской средней школе. Потом мы переехали на родину моего отца. Уже в Гомеле с отличием же я закончил 8 классов в школе №20. Затем поступил в Гомельский машиностроительный техникум на отделение «Обработка металлов резанием», который закончил с красным дипломом. Очень хотелось иметь какую-то специальность до армии, осознанно решил подстраховаться на этот счет.

И в школе, и в техникуме с нами работали высоко профессиональные педагоги, многие из них в свое время оканчивали вузы Москвы и Санкт-Петербурга. Кроме того, в Гомеле было высокое общее стремление молодежи к получению высшего образования, и в целом в обществе в то время царил атмосфера, которая характеризовалась высокой ценностью культуры, науки, образования. Поэтому еще до поступления в техникум, в седьмом-восьмом классе, задумываясь о перспективах, своем жизненном пути, я испытывал огромный интерес к науке. Из родственников мало кто был с высшим образованием, и я имел тогда лишь общие представления о том, что такое «наука», но у меня сложилась общая очень позитивная установка на эту сферу деятельности.

Круг интересов стал более проясняться уже во время учебы в техникуме. Там понял, что техника — это не мое, мне это не интересно. Я почувствовал интерес к людям, к человеку, понял, что должен изменить

свою профессиональную направленность. Особенно это проявилось на 3-м курсе. Но получить специальность все же решил твердо и поэтому доучился до конца в техникуме. Имею квалификацию техника-технолога по обработке металлов резанием и токаря третьего разряда.

С 3-го курса, переходя на 4-ый, я параллельно пошел учиться в Гомельскую областную очно-заочную среднюю школу, чтобы получить общее среднее образование. Сейчас такого типа учебных заведений даже нет. Что-то наподобие вечерней системы получения образования, но включая учебу и в воскресенье.

В этой школе были великолепные педагоги по целому ряду дисциплин. Моим классным руководителем и любимым учителем была Лидия Михайловна Шелюто, которая преподавала нам русский язык и литературу. Она показала возможности художественного, литературного, психологического анализа поведения людей через произведения отечественных классиков. Лидия Михайловна была выпускницей филологического факультета Ленинградского госуниверситета, отделения русского языка и литературы. То есть имела классическое образование. И именно она, может быть незаметно для себя, повлияла на мой жизненный путь. Она как-то отметила, а я хорошо запомнил, что у меня достаточно абстрактный, философский склад ума, раньше меня увидела, что я — гуманитарий, а не технарь. Ее влияние сказалось и на моем выборе Ленинградского университета. Поступил я туда в 1967 году, на факультет психологии. Это был относительно новый факультет, объявлен второй набор.

— *Вам без проблем удалось поступить?*

— «Без проблем» — понятие относительное... Поступать в столичный вуз всегда очень тяжело. Конкурс у нас был 9 человек на место. Но если ты был подготовлен, то ты имел реальную возможность поступить. Это было объективно, мы — абитуриенты все об этом знали, в это верили и надеялись только на свои собственные силы. Из четырех экза-

менов я получил одну «четверку», остальные были «пятерки». Меня зачислили.

Может быть, это сегодня покажется странным, но у меня для поступления не было каких-то связей, договоренностей. Даже не было ни одного знакомого в Ленинграде. Поэтому мне негде было даже ночевать первую ночь, когда я не успел оформиться и получить место в общежитии...

— У Вас началась двойная работа над собой: и осваивать новые знания, и осваивать новое место — столичный город.

— Да, верно. В университете у меня сначала возник интерес к зоопсихологии и сравнительной психологии животных и человека, животных и детей разного возраста. Это было для меня невероятно новым. У меня состоялись две поездки с исследовательскими целями в Сухумский питомник. Моя дипломная работа была посвящена сравнительному анализу запоминания объектов по различным признакам у обезьян и детей ясельного и детского возрастов.

В результате работы методом программированного наблюдения за стадами различных обезьян у меня появился интерес к исследованию группового поведения людей — в целом к психологии групп. По отраслевой принадлежности — это был интерес к социальной психологии. И, прежде всего я занялся вопросами, связанными с организацией и управлением малыми трудовыми группами. Почему? Поясню, вернувшись к своей довузовской подготовке.

Преподавание Лидии Михайловны Шелюто можно назвать настоящей школой. Но к этому добавлю также, что в техникуме тоже были замечательные преподаватели, и там были интересные для меня курсы, в которых раскрывалась роль человеческого фактора на производстве. Сейчас близки к этому промышленная социальная психология и промышленная социология, а курс назывался «Техника безопасности». Второй, очень интересный курс был — «Техническая эстетика» (сейчас это — «Дизайн», «Эргономика», близко связанные с инженерной психологией и психологией труда).

Кроме этого, у меня была шестимесячная практика на заводе — в инструментальном цехе Гомельского завода тракторных пусковых двигателей в 1966 году. Эта практика дала мне очень многое в жизни. У меня до сих пор остался интерес к психологии трудовой деятельности, к психологии трудовых коллективов. К этому опыту я возвращаюсь и сейчас, выполняя управленческие функции. Там я увидел, что человек таит в себе огромный резерв, который не используется, не востребован полностью. Я на практике увидел роль организации труда, так называемого «НОТ» (научной организации труда), и понял, что целесообразно внести в нее некоторые изменения. Особенно можно сделать эффективным совместный труд.

Все эти знания, опыт и размышления помогли мне и во время учебы в университете. Более того, вопросы организации совместной трудовой деятельности, проблема использования человеческих ресурсов в труде прошли практически через всю мою профессиональную, научную жизнь.

— Как Вы защищали вашу кандидатскую диссертацию? Кто были Ваши научные руководители?

— После вуза, который я закончил с красным дипломом, в 1972 году я поехал по распределению отрабатывать в Ярославский госуниверситет ассистентом кафедры общей психологии. Я не имел права поступать в очную аспирантуру через год, надо было отработать два. Но через год, в 1973 году я поступил на заочное отделение аспирантуры Института психологии АН СССР. А уже с 1974 года перевелся на очное отделение аспирантуры.

С 11 ноября 1974 года моя трудовая книжка находится в ИП АН СССР. Вот уже тридцать один год... С Институтом психологии связана практически вся моя профессиональная жизнь. Здесь я прошел семь должностей. Это: аспирант, младший научный сотрудник, старший научный сотрудник, ведущий научный сотрудник, заведующий лабораторией, заместитель директора и директор. Все должности я осваивал определенный период времени. Непродолжительно

был очным аспирантом — около 2-х лет, ведущим научным сотрудником — год и заместителем директора — полтора года. На остальных должностях я проработал по нескольку лет.

Я скажу о московско-ленинградской школе, ибо ИП РАН был создан Борисом Федоровичем Ломовым. Это мой преподаватель по Ленинградскому университету, первый декан факультета психологии ЛГУ. Потом он переехал в Москву и вскоре организовал институт в системе Академии наук СССР.

Институт психологии ведет свою историю с 16 декабря 1971 года, а научный коллектив фактически функционирует — с весны 1972 года. Борис Федорович, как мой университетский преподаватель по курсу «Экспериментальная психология» и как директор моего института, реально стал для меня учителем номер один. Я двадцать два года работал вместе с ним. Он же и выдвигал мою кандидатуру на должность заведующего лабораторией социальной психологии, которую я возглавил в 1987 году. Его самого не стало в июле 1989 года...

Когда в январе 1973 года я обратился к Борису Федоровичу с вопросом о своей исследовательской работе, он направил меня к Владимиру Федоровичу Рубахину, своему соратнику, заместителю директора, тоже ленинградцу. И поручил разрабатывать новую для того времени отрасль — психологию управления. Я поступил в аспирантуру к В. Ф. Рубахину, в 1976 году защитил диссертацию. Кандидатская диссертация называлась «Стиль и эффективность руководства производственным коллективом». По тематике — это сочетание тех интересов, которые у меня к тому времени сложились, и научно-производственных потребностей института, сформулированных Б. Ф. Ломовым.

Кроме этих двух учителей, я назову имена людей, которые сыграли в моей профессиональной жизни огромную роль. Это: Борис Герасимович Ананьев — основатель психологической школы ЛГУ; Владимир Николаевич Мясищев — очень известный медицинский психолог; Екатерина Васильевна Шо-

рохова — одна из первых выпускниц отделения психологии ЛГУ, заместитель директора ИП АН СССР, руководитель лаборатории социальной психологии, которую возглавил впоследствии я; Константин Константинович Платонов — известный специалист по психологии труда, личности и другим отраслям; Евгений Сергеевич Кузьмин — основатель первой университетской кафедры социальной психологии в СССР; Нина Александровна Тих — специалист по зоопсихологии и сравнительной психологии, автор классической книги — «Предыстория общества» (она сыграла колоссальную роль в формировании самых ранних моих интересов к социальной жизни обезьян и в целом к социальной психологии); Евгений Александрович Климов — психолог труда и очень интересный человек; Алексей Александрович Бодалев — известнейший социальный психолог, специалист по психологии личности и общения. Конечно же, я считаю своими учителями: Андрея Владимировича Брушлинского — второго директора нашего института, исследователя психологии мышления и субъекта и Ксению Александровну Абульханову, специалиста в области психологии личности, интереснейшего современного методолога.

Вот эти двенадцать человек — мои учителя — целая плеяда блестящих отечественных психологов. Я горжусь научной школой, к которой принадлежу. Особенность ее заключается в том, что в ней интегрируются естественнонаучные и общественно-научные корни психологии. Психологическая наука, по мнению многих специалистов, находится в центре наук, на их пересечении и при этом имеет двойные корни. Естественнонаучные корни идут от Бехтерева Владимира Михайловича, через Б. Г. Ананьева и В. Н. Мясищев — к Б. Ф. Ломову. А философско-гуманитарные корни — от Сергея Леонидовича Рубинштейна. Он тоже один из первых ленинградцев, переехавших в Москву и создававших здесь фундаментальную психологию. Сергей Леонидович имел прекрасное, классическое философское образование. Создал сектор методологических проблем психо-

логии в Институте философии АН СССР в 1943 году, откуда и ведет свое начало наш институт. Потом этот сектор в 1972 году перешел в состав нашего института, стал его первой структурной ячейкой. Андрей Владимирович Брушлинский и Ксения Александровна Абульханова являются непосредственными учениками Рубинштейна.

Московско-ленинградская школа — оригинальная, мощная и основана на комплексном, системном исследовании человека. Она интегрирует самые разные знания. И эта комплексность, и интерес к человеку, так называемая школа человекознания, идущая от В. М. Бехтерева и Б. Г. Ананьева, в более поздний период, в 1970-е годы, была развита в другую форму интеграции — в системный подход в психологии. Он был обоснован уже Б. Ф. Ломовым.

Это та научная база, на которой выполняются и сегодняшние исследования в нашем институте, и мои личные. Для меня очень значимо и то, что вместе с известными профессорами Л. И. Анцыферовой и В. А. Пономаренко я недавно стал лауреатом Премии Президиума РАН в области психологии имени С. Л. Рубинштейна за цикл работ, посвященных развитию личности профессионала в индивидуальной и совместной деятельности.

— *В психологии управления вы исследовали стили руководства, Вами была построена типология. Сами Вы долгое время работаете руководителем. Можно ли применить результаты Вашего исследования к Вам лично? Могли бы Вы назвать свой стиль руководства?*

— У меня ваш вопрос вызывает одно яркое воспоминание. После защиты моей кандидатской диссертации 26 ноября 1976 года за столом вокруг торта сидели несколько человек. Среди них был и Б. Ф. Ломов, директор института, мой учитель. Он задал мне вопрос, начав с обращения «Сэр». Называл он меня по-разному: «Толя», «Анатолий» или «Анатолий Лактионович». Но бывали моменты, когда он обращался именно «сэр», и не только ко мне. Это бывало в ситуациях только со сложными, очень ответственными

вопросами. И вот тогда он меня спросил: «Сэр, а к какому типу стиля руководства относится, по вашей классификации, ваш директор?». И ответ, который я дал Борису Федоровичу тогда, подходит и сегодня к вашему вопросу. В тот момент это была полная импровизация. Я сказал: «Борис Федорович, чтобы ответить на этот вопрос, необходимо провести строгое исследование».

— *Исследование применительно к конкретному человеку? Даже несмотря на то, что есть готовая теория, типология?*

— Конечно. Теория и методика — это научные инструменты. Можно определять и «на глазок». Но... Ведь у медика мы не спрашиваем: «Посмотри на меня и скажи, какая у меня сейчас температура?» Для нас нормально, что врач возьмет инструмент — градусник и замерит эту температуру. Вот и я разработал конкретный инструмент оценки, определения индивидуального стиля руководства. Он получил аббревиатуру и распространился в научной литературе как «опросник ИСР». Есть инструмент для определения ИСР. И его можно применять конкретно к каждому человеку. На глазок нет смысла это делать, в том числе и говоря о себе. Конечно, я могу дать себе какую-то характеристику. Но уже как специалист, а не как обыватель, знаю, что другой это сделает лучше, точнее.

Я могу только в одном признаться, что рефлексирую и очень часто задумываюсь над ошибками, особенно тогда, когда что-то не получается. Но это моя внутренняя «кухня» уже не как профессионала, а как человека, как управленца.

— *А если порефлексировать профессионалу? Как Вы оцениваете то, что сделали?*

— У меня так получается, что мои профессиональные интересы концентрируются вокруг какой-то проблемы в периоды, составляющие примерно 7–10 лет. В 1970-е годы я занимался психологическими проблемами управления трудовыми коллективами, в 1980-е годы — психологией совместной деятельности трудовых коллективов, в 1990-е годы — анализом социально-психологической

динамики личности и малых групп в изменяющемся российском обществе.

Со второй половины 90-х годов и последние пять лет мои интересы связаны с экономической психологией. Я участвую сейчас в формировании, становлении отечественной экономической психологии. Нельзя сказать, что она только сейчас и возникает. Это экономическая психология новейшего времени, основанная на конкретных эмпирических исследованиях.

Интерес вызывали у меня также проблемы, связанные с экологической психологией, ее формированием и становлением. Прежде всего, связано это с черныбыльской трагедией и с моими личными интересами. Наиболее пострадавшими районами от катастрофы являются районы Гомельской области — родины моего отца. Поэтому я не просто участвовал в выполнении конкретных исследований, а был их инициатором, разрабатывал программы исследований. Мы занимались изучением особенностей экологического сознания в посткатастрофный период. Объектами исследований были жители города Гомеля. Частично результаты опубликованы, частично — еще ожидают и обработки, и анализа, и опубликования.

— *Что Вас сейчас интересует, занимает?*

— Я испытываю большой интерес к исследованиям исполнительской деятельности. Это некая альтернатива управленческой деятельности. Та теоретическая парадигма, в которой я работаю в области психологии управления, это так называемая психология управленческого взаимодействия. Суть взаимодействия заключается в том, что интегрируется исполнительская и управленческая виды деятельности. И если управленческая деятельность у нас достаточно исследована, то проблемой исполнительской деятельности — еще только начинают заниматься. Поэтому сейчас меня очень интересуют и психологические составляющие исполнительской деятельности, и ее структура, и типы личности исполнителей и так далее.

Есть еще одна тема. Мне бы хотелось заняться очень сложной областью — психоло-

гией массовых явлений. Она слабо разработана у нас, и вообще в мире. Почему? Причинами можно назвать: стихийность и неуправляемость процессов, слабые возможности для непосредственного изучения этих явлений, сложность моделирования и использования эксперимента... Многое препятствует нормальной исследовательской работе, развитию этой отрасли. Накопление знаний остается медленным и небольшим. Классики XIX века заложили основы, которые до сих пор работают, мы ими пользуемся, но, в целом, продвижение здесь очень слабое.

— *К какому направлению Ваших интересов относится исследование студентов разных курсов, о котором вы рассказывали на прошедшей недавно в МосГУ конференции «Высшее образование для XXI века»?*

— К экономической психологии. Сейчас вместе со своими учениками мы занимаемся проблемой самоопределения личности в экономической среде. Вообще феномен самоопределения для молодого человека, да и для взрослого человека представляет колоссальный интерес. К тому же в новой экономической среде феномены самоопределения обостряются. Они интересны еще и тогда, когда человек сталкивается с новыми ценностями, идеалами, жизненными смыслами.

Когда меняется среда, у любого человека возникает проблема самоопределения. Сейчас, например, происходит массовая компьютеризация, а впереди еще нас что-то ждет... И любой человек, любого возраста сталкивается с вопросами: как к этому относиться, как оценивать, как вести себя, что предпринимать, как преодолевать и так далее.

Поэтому сейчас мои размышления и некоторые исследования совместно с моими учениками идут в сфере изучения структуры и динамики самоопределения личности и социальных групп в экономической среде. Но не только в экономической.

— *Вы упомянули в докладе о том, что взрослые в попытках найти для себя внутреннюю опору в меняющихся условиях часто обращаются к прошлому опыту. И такой механизм присутствует и у молодежи.*

*Причем она обращается и к опыту, которого не было у нее самой. То есть Вы еще и занимаетесь проблемой коллективного бессознательного?*

— Да, это термин Юнга. Коллективное бессознательное существует безусловно. Его роль мы обнаруживаем в исследованиях. Анализируя полученные результаты, мы пришли к тому, что представления Юнга о коллективном бессознательном, архетипах вполне уместно использовать. Но я хочу подчеркнуть, что возможны и другие объяснения.

Когда речь идет об одном отдельном человеке, то его механизм возврата к старым ценностям бывает всегда очень индивидуальным. Путь возврата к базовому, устойчивому обнаруживается у многих, но система этих ценностей может быть характерной для других людей: родителей, братьев или сестер (не обязательно старших, но и близко стоящих по возрасту), преподавателей, литературных героев. Динамика системы ценностей такова, что мы в своем развитии порой опережаем свои возможности. Когда система ценностей сталкивается с некоторыми новыми условиями, обстоятельствами, которых человек не видел, не сталкивался с ними ранее, происходит возврат к прошлому опыту. Человек задается вопросом: могу ли я опереться на то, что у меня есть, могу ли я с этой помощью понять то, что происходит? И если этого нет в моем опыте, то используется опыт других людей. Это нормальный механизм. Его трудно однозначно обозначить как механизм инверсии. Потому что у механизма инверсии есть четкое содержание: возвращение к тому, что было с человеком раньше. А здесь этого нет. Здесь инверсия только частичная. Она может быть в разных вариантах. Главное — возврат к проверенному, к устойчивому, базисному, к тому, что спасало, выручало, приводило в устойчивое, стабильное состояние. Не меня, так других. Архетипическое — это не какой-то пережиток, а определенный приспособительный механизм, он выполняет определенные функции в социальной среде...

*— Можно сказать — «в культуре»?*

— Наверное, можно. Но я очень осторожен с формулировками, выходящими за рамки моей компетенции. Мы не исследовали этот механизм как феномен культуры. У каждого исследователя есть свои поля, есть рамки. Лучше специально изучить и потом делать широкие выводы. Здесь мы говорим о том, что специально изучали и за что мы можем отвечать.

*— Сотрудничество Вашего института и Московского гуманитарного университета началось в трудные для ИП РАН времена — в начале 1990-х годов. Расскажите, пожалуйста, как все началось.*

— Действительно, начало 1990-х годов, а точнее 1992-й год — был очень тяжелым для всех академических институтов. И для всего российского общества. Фактически с 1993 года сотрудники нашего института включились в профессиональную психологическую подготовку в двух основных формах.

Первое. При нашем институте было создано высшее учебное заведение — Высший психологический колледж, который был потом преобразован в Высшую школу психологии при ИП РАН. Эту структуру создавали мы сами, она удачна, ибо функционирует до сих пор полных двенадцать лет.

И второе. В этом же 1993-ем году, в марте, в Институте молодежи был создан факультет психологии. Руководителем его был назначен профессор Александр Васильевич Иващенко. Он, подыскивая себе профессиональных заместителей, обратился в ИП РАН и пригласил нашего сотрудника Юрия Николаевича Олейника, который через год стал деканом нового факультета. Но идея была шире. Она заключалась в том, чтобы объединить усилия учреждений — Института молодежи и Института психологии РАН — в формировании этого факультета.

Я участвовал в этом процессе с самого начала. Первые же встречи с руководством вуза, которые были еще весной, до начала учебного года, привлекли наше внимание чрезвычайно позитивным отношением к психологии. Соединился ряд обстоятельств: потребности вуза в специалистах, желание со-

здать высокопрофессиональный факультет, установка на качественную подготовку, готовность руководства создавать условия, в том числе идти на некоторые уступки, ради закрепления хороших специалистов, потребности сотрудников нашего института в приобретении учеников и в зарабатывании, потребности нашей науки в новых специалистах и т. д.

Поэтому, учитывая многие благоприятные условия и объективного, и субъективного плана, я дал согласие на приглашение не просто работать там, а вскоре организовать кафедру социальной и этнической психологии, а также привести туда специалистов из соответствующей лаборатории ИП РАН. И создавали мы эту кафедру как кафедру-лабораторию. У нее до сих пор такой статус. Ибо основной ее костяк составляют наши сотрудники из лаборатории социальной и экономической психологии ИП РАН и из других лабораторий нашего института.

Последующее сотрудничество с ректором ИМ, МГСА, МосГУ — профессором Игорем Михайловичем Ильинским — показало очень высокую эффективность: и научную, и преподавательскую, и образовательную. Возможности МосГУ оказались колоссальными для реализации идеи интеграции науки и высшего образования. От сотрудничества выиграли все. Факультет по уровню подготовки, научного потенциала профессорско-преподавательского состава с самого начала был на высоком уровне. Мы сохраняем наши позиции до сих пор. Около 40 сотрудников ИП РАН сегодня работают в МосГУ. Это очень большая группа специалистов. Кроме всего прочего, кафедры приобрели молодые кадры для себя. Выполнено и защищено большое количество диссертационных работ. Конечно, есть и сотрудники ИП РАН — выпускники МосГУ.

— *Работа в академическом институте — исследовательская. Трудно ли было научным сотрудникам начать преподавательскую деятельность?*

— Было очень тяжело. Ведь это специальный, другой вид деятельности. Не у всех получилось, некоторые не смогли это совмещать. Сегодня могу сказать: интеграция исследовательской работы с вузовской у наших сотрудников настолько высока, что невозможно представить квалифицированного научного работника без стажа преподавательской деятельности. И становились преподавателями во многом именно в Институте молодежи. Не просто большая, а огромная часть нашего института прошла и проходят эту школу. Я благодарен руководству МосГУ за то терпение, которое оно проявило. Не все получалось сразу, был и естественный отсев. Но всегда было терпимое и оправдавшее себя отношение к нашим специалистам — непрофессиональным преподавателям, которые уже в ходе работы становились педагогами-профессионалами.

Есть правило лекторов, которое существовало всегда: нужно три раза прочитать курс, чтобы понять, как не надо читать. И четыре раза прочитать курс, чтобы понять, как надо читать. Вот этот путь мы и проходили параллельно в Высшей школе психологии и в Институте молодежи. Эта параллель ускорила процесс становления преподавателей, процесс отработки курсов. Поэтому нам не нужно было семь лет работать. Достаточно было трех лет.

Сегодня в ИП РАН есть свой факультет психологии в Государственном университете гуманитарных наук. Он базируется у нас, в пространстве института. Специальную подготовку дают сотрудники ИП РАН. Но это появилось чуть позже... Историю не перепишешь. И роль Института молодежи, МосГУ в становлении наших сотрудников как преподавателей, в новом качестве работ Института психологии РАН невозможно переоценить. Наше сотрудничество не только активно продолжается, но и приобретает новое содержание и многообразные формы.

Беседовала

Ч. К. ДАРГЫН-ООЛ